

Андрей Кураев раскрыл "голубые" тайны РПЦ: "Видеозаписи людей, похожих на епископов"

"Нужно быть совсем уж лицемерным, чтобы сказать: "Нет-нет, патриарх к этому не имеет отношения"

18 мая 2017, mk.ru.

Патриарх Кирилл подверг протодиакона Андрея Кураева — на сегодняшний день, пожалуй, главного своего публичного оппонента в церковных рядах — серьезному дисциплинарному взысканию. На строптивного миссионера наложена епитимья: он отправлен замаливать грехи в московский Новоспасский монастырь. О своем конфликте с начальством и о том, насколько светла даль, в которую ведет РПЦ ее нынешний предстоятель, Андрей Кураев размышляет в интервью «МК».

фото: Геннадий Черкасов

— Отец Андрей, ваши и до того непростые отношения с церковным руководством перешли, похоже, на новый уровень. Как долго продлятся прописанные вам «исправительные работы»?

— Поскольку для священнослужителей не существует никакого трудового или исправительного кодекса, срок в принципе может быть любым. Но пока сказано: Сорокоуст, сорок литургий.

— Поскольку я не большой знаток церковных обычаев, то перед нашей встречей заглянул во всезнающую, хотя порой и ошибающуюся, Википедию. И там сказано, что «в настоящее время в православии епитимья налагается редко, и в основном на тех, кто упорствует в каком-то грехе». Верная трактовка?

— Верная. Никто, правда, мне не объяснил, в чем я должен каяться. Никакой указивки я на руки не получил. Просто позвонил телефон, и голос, похожий на голос епископа, сообщил, что я должен прибыть в Новоспасский монастырь.

— Но свое объяснение этому, своя версия у вас наверняка имеется...

— Да, общие причины мне более-менее понятны. Очевидно, что это наказание за мою публицистическую деятельность. Когда в 2014 году меня уволяли из Московской духовной академии, формулировка была: «За эпатажные высказывания в Интернете и масс-медиа». Хотя можно вспомнить немало церковных деятелей, которые высказывались гораздо более эпатажно.

— Некоторых из этих деятелей тоже уволили. Например, вашего заклятого оппонента Всеволода Чаплина, лишившегося поста руководителя Синодального отдела по взаимоотношениям церкви и общества. Кстати, в связи с этим возникла версия, согласно которой церковное руководство избавляется от любых крайностей — что на либеральном, что на консервативном фланге. Правильно такое видение ситуации?

— Нет. Когда меня называют либералом, я всегда спрашиваю: по каким критериям вы меня к ним причисляете? По меркам, скажем, Западной Европы я ужасный мракобес. В РПЦ есть священники, которые куда более либеральны, чем я. И есть более правые, чем Чаплин. И все они высказываются без негативных для себя последствий. Так что нет, дело не в принадлежности к какому-то политическому лагерю. Думаю, дело в эмоциональной сиюминутной реакции патриарха. В моем случае, убежден, это была реакция на текст, размещенный в моем блоге в конце декабря 2013 года. Поясню, что когда я начал писать о проблеме педофилии среди церковных иерархов, у многих церковных людей это вызвало настоящий взрыв мозга. Они не могли поверить, что такое может быть.

И тут мне приходит письмо от одного пожилого человека, не скрывающего, что он является гомосексуалистом. Этот человек писал, что ему непонятно, почему патриарх Кирилл, умнейший человек, настроен против геев, ведь его учитель, митрополит Никодим Ротов, был из «наших». Все мы, мол, знаем, что Ротов входил в «нашу» ленинградскую тусовку. Вообще это было очень интересное письмо, неординарное, человеческое. И я как человек с историческим вкусом счел, что нельзя такой текст выбрасывать на помойку. И опубликовал его.

Именно это — упоминание Никодима в таком контексте — вызвало тогда гнев патриарха. Люди из патриархии мне говорили, что это сорвало его планы по канонизации Никодима. Все уже было готово для причисления патриаршего наставника к лику святых, но эта публикация оживила старые церковные слухи. А репутация у митрополита в годы его служения, в 60–70-е, и в самом деле была настолько определенной, что в церковной среде возник «мем»: никодимов грех.

— Можно предположить, что нынешнее наказание связано с последними вашими усилиями в том же направлении — со скандалом, разразившимся после того, как вы предали огласке информацию о случаях педофилии в Тобольской семинарии...

— Нет, не думаю, что дело в этом. Разговоры о том, что что-то такое для меня готовится, пошли еще зимой, до тобольского скандала.

— **Ходили слухи, что вас собираются вовсе лишить сана.**

— Не могу исключить наличия у патриархии таких планов. Вполне вероятно, сценарий был таков: отправим Кураева в монастырь, он откажется, и это будет каноническим поводом для того, чтобы лишить его сана. Но я решил не давать такого красивого повода.

— **Известно, что тобольским скандалом занимается Следственный комитет. Как далеко продвинулось следствие?**

— Не могу сказать. Знаю только, что процессуальные действия начались в середине апреля, после того, как в Тюменское управление Следственного комитета пришло письмо, аналогичное тому, которое опубликовано у меня. Я тоже не так давно давал показания по этому делу — меня приглашали в московский офис СКР. Кое-чем я поделился со следователями, передал им некоторые материалы.

— **Сверх того, что опубликовано в вашем блоге?**

— Да.

— **Процитирую пресс-службу Тобольской митрополии: «За 26 лет через тобольские духовные школы прошли более 1600 учащихся, и, конечно, могут найтись недоброжелатели из числа не вписавшихся в регламент учебных заведений, которые могли бы подобным образом попытаться как-то навредить и школе, и ее руководству». А вы сами уверены на сто процентов, что это не клевета, вызванная какими-то сугубо личными мотивами?**

— В отношении по крайней мере одного свидетельства уверен на сто процентов. Потому что этот человек не находится в конфликте ни с патриархией, ни с епархией. Более того, у него есть основания по жизни быть благодарным Димитрию Капалину (митрополит Тобольский и Тюменский, главный фигурант сексуального скандала. — «МК»). Кстати, процитированное вами заявление производит довольно странное впечатление. Епархиальные чиновники как бы заранее стелют себе соломку. Они не говорят, что свидетелей нет и быть не может. Они говорят, что бывают разные люди, и некоторые могут мстить. Значит, предполагают, что свидетели и пострадавшие есть. Вторая интересная деталь: по словам пресс-секретаря митрополии, решение, подавать или нет на Кураева в суд, будет зависеть от результатов следственных действий. То есть они не верят тем картам, которые у них на руках. Боятся, что у Кураева все же есть прикуп...

— **А у Кураева есть прикуп?**

— Ну, как я уже сказал, я опубликовал не все, что мне известно.

— **Ваша борьба с сексуальными девиациями в церковных рядах и с тем, что вы впоследствии назвали «гомосексуальным лобби в РПЦ», длится уже**

несколько лет. Можно подвести какие-то итоги? Что удалось, в чем вы потерпели неудачу? Изменилось ли что-то за эти годы?

— Ну, что изменилось... Первое: судя по полушутливым жалобам, которые я слышу от епископов, жить им стало сложнее. «Народ, — говорят, — на нас косится и нас подозревает». И это хорошо. Если клирик ни к чему такому не причастен, подозрения ему несколько не вредят и не ограничивают его жизнь и деятельность. Если же какая-то причастность есть — пусть даже на уровне снов и мечтаний, — оно сдерживает его активность в этом направлении. И тем самым судьбы каких-то молодых людей сберегаются в чистоте. Второй плюс — то, что молодые люди и их семьи тоже предупреждены и поэтому не всем улыбка и не всем подаркам верят. Третье — снято табу на разговор на эту тему. Пока проблема табуируется, пока о ней нельзя даже говорить, она и не может быть решена. Все это уже неплохой результат.

Никакого эпического финала эта история, понятно, не получила: всерьез никто не наказан, не изгнан. Но я и не ждал чисток. Я рассчитывал всего лишь на карьерный стоп-кран. Достаточно не продвигать по карьерной лестнице тех людей, в отношении которых имеются соответствующие подозрения. В конце концов, это ведь не относится к числу общечеловеческих прав — быть епископом. Должны быть определенные запреты на профессию. Особенно внимательно надо присматриваться к тем клирикам, которые проявляют интерес к молодежной и детской работе. Ничего этого, к сожалению, нет. Реакция скорее даже обратна ожидаемой: мощным потоком на повышение идут люди с репутацией не то сомнительной, не то несомненной.

— По версии исследователя Николая Митрохина, гомосексуализм в церкви — это не отклонение от нормы, а, собственно, сама норма: «На практике для гомосексуалов РПЦ — это довольно открытый и дружелюбный мир». Молодой человек с нестандартной ориентацией, отвергаемый сверстниками, «находит теплый прием в храме» и быстро начинает делать здесь карьеру. Как вам такой взгляд?

— Правда тут в том, что в Средние века и Новое время монастыри как католиков, так и православных были настоящим убежищем для гомосексуалистов. Тогда были приняты ранние браки, и безбрачный человек в миру был слишком странен. Монастырь давал таким людям укрытие: сделай вид, что любишь Христа, уйди в монастырь, и там ты сможешь встретить себе подобных. Церковь предлагала гомосексуалистам отказаться от того, что для них не имело ценности, — гетеросексуального брака, а взамен предоставляла уважаемый образ жизни, доступ к деньгам и карьере. Что еще надо?..

— Получается, что вы и впрямь подрываете устои.

— Одно дело — дать человеку убежище, и совсем другое — власть над собой. Это, согласитесь, не одно и то же. Хочу подчеркнуть, что с точки зрения современного права домогательство начальствующего лица к подчиненному — это преступление независимо от пола и возраста жертвы. Они могут быть ровесниками, подчиненный может быть даже старше своего начальника, но использование власти для удовлетворения своей похоти — преступление в любом случае.

— В фокусе вашего внимания находятся, однако, не только случаи, выходящие за рамки закона, но и содомский грех как таковой, с точки зрения светской морали и светского права нынче вполне допустимый. Как говорил классик, нельзя жить в обществе и быть свободным от общества. Может быть, вы все-таки чересчур строги к коллегам по корпорации?

— Что мешает этим людям создать свою педерастическую церковь? Пусть создают. Пусть у них будет своя паства, будут встречи убежденных и по-своему честных людей. А я со своей стороны обещаю не рисовать никаких гадостей на стенах их собраний. Я за свободу совести, но мне не нравится ложь. Конечно, никто не бывает ежеминутно правдив. Но не надо делать ложь системой и ключом к карьерному лифту.

— Епископ Тихон Шевкунов, называя вас своим другом и признавая наличие той проблемы, по поводу которой вы бьете в набат, тем не менее категорически не согласен с избранными вами методами. По его словам, вам следовало не писать в блогах, а обратиться к патриарху, попытаться встретиться с ним. Что вы могли бы возразить на это? Вы писали Кириллу, пытались с ним встретиться, объяснить?

— Начнем с того, что патриарх очень надежно изолирован от тех, с кем он не желает встречаться. Когда он однажды в престольный праздник приехал служить в мой храм (храм Архангела Михаила в Тропареве, Москва. — «МК»), было категорическое требование протокола: меня там быть не должно. Так что к патриарху не прорваться. Второе: если Святейший захочет встретиться со мной, формально или неформально, проблем нет — один звонок, и я, естественно, явлюсь туда, куда скажут. Третье: я более-менее представляю, что могу услышать от патриарха, а он представляет, что может услышать от меня.

Если кто-то думает, что я скажу: «Ваше Святейшество, я знаю, как спасти Русскую церковь, дайте мне пять минут», — то он сильно ошибается. Я не настолько сумасшедший, у меня нет никакой идеи-фикс. И нет никаких тайных планов: что думаю, то и пишу. По моей информации, патриарх и сам читает мой блог, и регулярно получает доклады о моих «эпатажных» заявлениях. Кроме того, убежден, что о жизни своих епископов он знает намного больше, чем я. Мне известно, на стол ему кладут в том числе и видеозаписи некоторых развлечений.

— Людей, похожих...

— Людей, похожих на епископов. Поэтому повторяю: ничего неизвестного патриарху про его «гвардейцев» я сообщить не могу.

— А ведь в момент избрания Кирилла вы считались членом его команды. Какая кошка пробежала между вами? Можно припомнить какую-то ситуацию, какой-то момент истины, после которого ваши пути стали расходиться?

— Они на самом деле никогда не сливались. Действительно, после смерти патриарха Алексия я опубликовал большую статью, где объяснял, почему считаю избрание Кирилла лучшим для нашей церкви исходом патриарших выборов. Вскоре после этого Кирилл, тогда еще митрополит, захотел встретиться со мной. Он начал беседу с фразы: «Отец Андрей, я благодарю вас за то, что вы меня защищаете». Я:

«Владыка, я не вас защищаю. Защищая вас, я просто защищаю себя. Потому что при иных раскладах та миссионерская работа, которой я живу, скорее всего, окажется прикрытой». После секундной паузы местоблюститель отреагировал: «Это единственно правильная позиция». На участие в дележе портфелей я тогда совсем не рассчитывал, и мои ожидания вполне оправдались. Более того, вскоре после избрания Кирилла меня отправили в длительную командировку в Абхазию. Знающие люди сказали мне, что это форма вежливой ссылки.

— А за что ссылка? Ваши слова обидели Кирилла?

— Нет-нет. Дело не в обиде. Просто патриарху нужны люди, которых он, образно говоря, вскормил своей грудью. А я слишком взрослый. Он понял, что меня поздно «усыновлять». Что же касается моего разочарования в Кирилле как в патриархе, то могу даже назвать точную дату, когда это произошло: 23 мая 2009 года. На этот день, к моей радости, была анонсирована первая в истории встреча патриарха со светской молодежью. Первым шоком стало оцепление вокруг спорткомплекса «Измайлово», где проходила встреча. Пройти можно было только по пригласительному, которого у меня не было. В конце концов, проходившие потоком ребята меня чуть ли не силой протолкнули. Сказали охранникам: «Вы что, не понимаете, это же Андрей Кураев!» Но большой группе людей, прихожан, которые тоже хотели увидеть своего нового пастыря вблизи, попасть внутрь так и не удалось.

Второй шок — состав участников встречи. Огромный зал был набит не православной молодежью, а согнанными по разнарядке студентами вузов, в первую очередь — расположенного поблизости Университета физкультуры и спорта. То есть тех, кому был интересен патриарх, не пустили, а тех, кому неинтересен, — пригнали. Далее: выяснилось, что никакой «самодеятельности» не будет. Список вопросов составлен заранее, заранее распределены роли — кто когда к какому микрофону подходит и какую реплику озвучивает. Мне все это было непонятно. Я знал нового патриарха как умного человека, способного на импровизацию и живой диалог. Но у меня сложилось впечатление, что он боится разговора с паствой. И, значит, при его правлении диалог с обществом не будет. А это плохо: один человек, каким бы умным он ни был, такую ношу не потянет. В общем, я был тогда сильно разочарован. Надежды, которые я возлагал на патриаршество Кирилла, рухнули.

— Та публикация в вашем блоге, в которой говорилось о нетрадиционной сексуальной ориентации духовного учителя патриарха и которая, как вы говорите, стала причиной вашего увольнения из духовной академии, была воспринята некоторыми как намек на то, что яблоко от яблони упало недалеко, что патриарх — тоже из «этих». Вы сами тогда решительно отвергли такую интерпретацию. Сегодня вы придерживаетесь той же точки зрения?

— Да, той же. Но «голубое» лобби в церкви — это не только гомосексуалисты. Это и те «нормальные» иерархи, которые знают правду и, несмотря на это, поддерживают статус-кво. Или даже усугубляют течение болезни. Они прячут под сукно жалобы, гасят расследования, дают хорошие рекомендации и просто забывают про церковные законы в «неудобных случаях». Ложно понятое «спокойствие» они понимают как высшее церковное благо. Поскольку юность патриарха прошла в никодимовском кружке, полагаю, ему хорошо известны особенности поведения

людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Оттого, видимо, такие люди не вызывают у него брезгливости.

— То есть во главе «голубого» лобби стоит...

— У нас в церкви только один человек решает, кто станет епископом, а кто нет. И при этом я вижу, что люди с отчетливым «голубым» шлейфом косяком взлетают ввысь. Даже те, кто был подстрелен при Алексии, вновь встают на крыло. Простите, но нужно быть совсем уж лицемерным идиотом, чтобы сказать: «Нет-нет, патриарх к этому не имеет отношения». Это его решения, его выбор. Однажды мне сказали так: «Отец Андрей, пойми, ты поставил патриарха перед выбором: один заштатный протодиакон или сорок гомоепископов? Если он их выгонит, они организуют альтернативную церковь, а это раскол. История Кириллу этого не простит. Поэтому он выбрал их». Но не думаю, что это исчерпывающее объяснение. Главную роль, на мой взгляд, играет то обстоятельство, что такими людьми значительно проще управлять. Когда на человека имеется компромат, любую попытку сопротивления легко подавить. Достаточно сказать: «Ты что, забыл про свои приключения?..»

— Тема «голубого» лобби, надо заметить, далеко не единственный повод для ваших разногласий с церковным руководством...

— «Голубая» тема — это не то, что меня вдохновляет и представляет для меня большой интерес. Публикации об этом я считаю своей, если хотите, общественной нагрузкой. И даже миссионерством. Ведь мало прийти в церковь — надо уметь выжить в ней, остаться. А розовые очки имеют привычку разбиваться стеклами внутрь, раня глаза. Я же говорю: можно оставаться в церкви даже после того, как ее лубочный имидж полинял. И никому нельзя сдавать свою совесть и голову на безответственное хранение. Люди, смотрите сами. У вас есть свои глаза, своя голова на плечах. Попробуйте не только умиляться. Не будете очарованы — избежите разочарования.

Но сегодня меня занимают более важные вопросы. Что такое, скажем, Нагорная проповедь Христа: красивые слова, годные лишь на то, чтобы заключить их в рамочку и повесить на стенку, или указание, как должны жить христиане? Как поступать с обидевшими вас? На мой взгляд, церковное руководство, начиная с истории с Pussy Riot, дает на этот счет ясное указание: надо мстить и давить. Моя позиция тоже известна. Кстати, Берл Лазар, главный раввин России, недавно чуть ли не буквально меня процитировал. Его спросили, что бы он сделал, если бы к нему в синагогу заскочили Pussy Riot и начали танцевать. Он ответил, что сводил бы их в столовую, угостил гефилте-фиш и поговорил с ними. Я, если помните, говорил пять лет назад, что накормил бы этих девах блинами. Почему эту нормальную христианскую реакцию я слышу из уст главного раввина, а не из уст главного попа? Именно это оскорбляет меня, мои религиозные чувства.

Еще один важный вопрос, тоже богословского уровня: что такое церковь? Мы раз за разом видим, как это понятие отождествляется с узким кругом высших церковных чиновников. То есть церковь — это члены Синода? Но в семинарии меня учили иначе. Отождествлять мнение церкви и мнение патриарха — это, простите, больше, чем папизм. Вы заметили, кстати, как мало стало священников на наших телевизионных ток-шоу? Их там сегодня практически нет, потому что весной 2012 года, во время трапезы после службы в храме Христа Спасителя, патриарх заявил, что священникам не стоит появляться на ток-шоу. Это, мол, не наш формат.

Журналисты бросились ко мне: «Отец Андрей, вы не будете больше ходить на ток-шоу?» Я взял паузу и позвонил одному знакомому католическому священнику: «Поясните, если папа на каком-то обеде скажет, что священники, по его мнению, должны делать то-то и то-то или, напротив, чего-то не делать, это будет обязательным к исполнению для католического клира?» Его ответ был: «Конечно, нет! Это просто частное мнение частного лица».

— А как же догмат о непогрешимости папы?

— Догмат о непогрешимости на самом деле является ограничителем папского произвола. Папское мнение авторитетно лишь при двух условиях: если он говорит о проблемах веры и морали и если говорит *ex cathedra*, в официальной форме. За весь XX век такое было лишь дважды. Заобеденные размышления папы о телевидении, политике, спорте и тому подобных вещах — не более чем его личная точка зрения. В общем, как говорит один мой знакомый католик: «Опасайтесь несертифицированного папизма!» А у нас сегодня этот «несертифицированный папизм», на мой взгляд, цветет и пахнет. И я считаю, что это мое церковное послушание, послушание Церкви Христовой: пищать, что я с этим не согласен. На такую мутацию моей родной церкви я не подписывался, принимая в ней крещение 35 лет назад...

— **Трудно найти сегодня тему, где ваши взгляды совпадали бы с позицией патриархии. Дело Pussy Riot и дело «ловца покемонов» Соколовского, передача Исаакиевского собора и запрещение «Свидетелей Иеговы» — во всех этих и многих случаях вы резко критикуете политику патриарха и, соответственно, то, как она меняет лицо РПЦ. Как бы вы сами, кстати, определили характер этой трансформации? Что происходит с Русской православной церковью?**

— Церковь — многомиллионный организм, и в ней одновременно много чего происходит. И доброго, и печального. Но если говорить конкретно о церковном аппарате, то тут диагноз требует латыни: *ohuentus banalis*. Упоение властью, деньгами, безнаказанностью, подмена реальности риторикой и отчетами.

— **Тренд задается патриархом либо его, как говорится, играет свита?**

— Еще несколько лет назад я спрашивал людей, близких к патриарху: «Скажите, а остался ли еще в его окружении человек, который может сказать три страшных слова: нет, Ваше Святейшество?» Мне ответили: «Нет, таких людей уже не осталось». Но система без дискуссии и без обратной связи — это, мягко говоря, рискованный проект.

— **Помнится, Всеволод Чаплин после своего увольнения предрек скорую смену власти в патриархии: долго, мол, Кирилл не продержится. У вас другие предчувствия?**

— Конечно, усталость духовенства, в том числе и высшего, от патриарха Кирилла очень высока. Особенно у тех, кто находится рядом с ним. Я смотрю со стороны, совсем со стороны, — и все равно порой, что называется, офигеваю. Но, я считаю, у смены власти в патриархии может быть лишь одна причина — желание Владимира Владимировича Путина. В самой церкви нет реальных механизмов, которые могли к

этому привести. Точнее, механизмы есть, но они могут быть приведены в действие лишь извне, из Кремля. А это такие сферы, которые для меня непрозрачны. Впрочем, могу сказать: если это произойдет, то причина не будет тайной. Это может случиться в тот момент, когда (и если) приближенные к первому лицу государства социологи сообщат ему, что имидж патриарха тянет вниз и личный рейтинг президента. В этом случае, думаю, меры будут приняты незамедлительно.

— Неужели «вертикали» насколько срослись, что светская власть может вот так запросто сменить церковную?

— Как говорит в таких случаях сам патриарх, «это дело одного ужина». Речь, упаси Бог, не идет об отравлении или чем-то подобном. Просто если Путин сделает ему соответствующее предложение, он не сможет от него отказаться и послушно скажет: «Я устал, я ухожу». Кстати, из разных уст и уже не первый год я слышу, что у президента нет особой любви к патриарху. Личные отношения прохладны. Но в делах сегодня это не проявляется. Кроме, может быть, случая с Исаакием. Некоторые мои компетентные собеседники говорят, что эта история — как и история с «пуськами» — специально раскручивается провластными политехнологами, чтобы канализировать протест, отвести его в сторону от главной «плотины». Ну и заодно показать, кто в доме хозяин: в стране должен быть лишь один национальный лидер — второй не нужен.

— Задумывались ли вы когда-нибудь о «смене юрисдикции» — переходе в другую церковь или даже иную конфессию?

— Мне неоднократно приходили предложения «сменить прописку». Но нет, не дождетесь. Я не мальчик, чтобы верить в синюю птицу, в то, что где-то существует чистое небесное православие, в котором нет наших проблем. Это не так. Все, как говорится, украдено до нас. Все буратинки выструганы из кривой осинки.

— Надеетесь, что что-то изменится здесь?

— Бог есть, а значит, есть и право на надежду. Но понятно, что произойдет это не при нынешнем патриархе. Когда меня спрашивают, что буду делать, если меня лишат сана, я отвечаю, что запишусь в фитнес-клуб. Чтобы дожить до следующего патриарха и подать апелляцию.

— Времена нынче горячие, отец Андрей. Тех, кто плывет против течения, нынче сплошь и рядом метят зеленкой, и это еще, пожалуй, самый гуманный вариант расплаты за «непослушание». А для вас актуальна сегодня тема безопасности?

— Угрозы я слышу часто. Ко мне в блог постоянно заходят люди, которые делятся своими мечтами о том, как бы они хотели «начистить мне морду» или устроить что-то посерьезнее. А какое-то время назад знакомые фээсбэшники сообщили мне, что я уже настолько достал некоторых товарищей из гей-лобби, что они готовы сброситься и нанять киллера. Речь идет не о самих гомоепископах, а о людях второго плана, которые к этим иерархам приближены. Они тоже желают

возвышения, но считают, что мои публикации повредили их карьере и что я должен за это понести наказание.

— Ну и какие мысли у вас рождает эта информация?

— Я в Бога верю.

— Делай, что должно, и будь, что будет?..

— Знаете, в последнее время я часто вспоминаю анекдот из жизни Рублевки. Представьте себе Рублевское шоссе: дорогушие новые дома, чередующиеся с хибарами старых жителей, которых еще не успели оттуда выгнать... И одна бабушка-старожилка пробует перейти дорогу. Это ей, увы, не удастся: старушку сбивает какой-то крутой «Мерседес». Ну а дальше начинается «гармошка»: в «Мерседес» врезается «Ламборджини», в «Ламборджини» — «Мазерати», в «Мазерати» — «Феррари», в «Феррари» — «Роллс-Ройс»... Из «Роллс-Ройса» выходит новый русский, закуривает сигаретку, смотрит на эту грудку искореженного дорогушего железа и говорит: «Да, красиво бабка ушла...»

— Сомнительная вообще-то красота... Довольно многие наши сограждане, испытывающие проблемы с безопасностью, решают их путем уезда из страны. Например, в ту же любимую вами Прагу. Не рассматриваете такой вариант?

— Нет, не рассматриваю. Мне очень дороги слова Евтушенко: «Дай Бог поменьше рваных ран, когда идет большая драка. Дай Бог побольше разных стран, не потеряв своей, однако...» Мы подошли, между прочим, к теме моей мечты. Моя мечта — собрать и издать антологию «Молитвы советских атеистов».

— Отразился ли, кстати, ваш конфликт с патриархией на вашей писательской деятельности? Книги издаются?

— Книги издаются, но уже не церковными издательствами. Ничего страшного: спрос есть. Важно понимать, что у меня нет личной обиды на патриарха, мне он ничем не навредил. Я это уже говорил и повторю вновь: патриарх три года назад сделал мне роскошный подарок — подарил свободу. Свободу совести. Не говоря уже о свободном времени. За вычетом, правда, этого Сорокоуста. За церковь, да, очень обидно. Обидно за то, что мы общими усилиями сделали с Евангелием. Как писал Губерман, «есть люди, их ужасно много, чьи жизни преданы тому, чтоб обосрать идею Бога своим служением Ему».

Один из авторов XIX века — кажется, Кьеркегор — сказал очень верную мысль: в прошлые столетия христианство бывало разным — бывало любящим, бывало героическим, бывало гонящим, бывало страшным. Но только нашему времени удалось сделать христианство скучным. Я не хочу солидаризоваться со скукой.

— Да, без вас Русская православная церковь была бы, конечно, намного более скучной.

— Поэтому и говорю: именно в своем «колючем» статусе я нужен официальной церкви. По-хорошему патриархия вообще должна приставить ко мне охрану и сдувать пылинки. В каком-то смысле я сегодня — их ходячая реклама. Потому что в ответ на умножающиеся обвинения в том, что патриархия деградировала до уровня тоталитарной секты, можно показать на меня пальцем и сказать: «Да вы что? Вон Кураев — он себе такое позволяет... Но патриарх его не трогает!»

[Андрей Камакин](#)